

Я. Я. ТЕН-КАТЕ

Работа у И. П. Павлова и встречи с ним

По окончании университета, пробыв 2 года за границей, в 1914 г. я вернулся в Петербург, где и обосновался. Практическая деятельность врача меня мало привлекала, и я с первых же шагов моей медицинской «карьеры» начал присматриваться, где бы и у кого начать научную работу.

Выбор пал на лабораторию И. П. Павлова. Откровенно говоря, это произошло совершенно случайно, но эта случайность впоследствии имела для всей моей жизни решающее значение. Здесь, я думаю, будет небезынтересно рассказать о моем первом визите к Ивану Петровичу.

В лаборатории Института экспериментальной медицины на Лопухинской Иван Петрович встретил меня очень любезно, обратившись ко мне со словами: «Ну, милостивый государь, что же вы, собственно, от меня хотите?» Я высказал мое желание работать по пищеварению, но Павлов к выбору моей темы отнесся отрицательно, заявив, что его в данный момент интересуют исключительно условные рефлексy; если это меня интересует, то я могу начинать у него работать хоть сейчас. Этим закончилось мое первое знакомство с Иваном Петровичем. Обдумав его предложение, я переменял мое намерение, решив попробовать поработать с условными рефлексами.

В это время у Павлова работало очень мало постоянных сотрудников, так как большинство из них было призвано на войну или исполняло врачебные обязанности в лазаретах, а поэтому бывало в лаборатории только урывками. Как мне показалось, Иван Петрович был очень доволен моим решением начать работу в его лаборатории, особенно ввиду того, что я, как иностранец, был освобожден от всяких воинских обязанностей.

Каждое утро Павлов регулярно приходил в Институт экспериментальной медицины, а днем шел в Военно-медицинскую

академию, и эта аккуратность, доходящая до педантизма, меня всегда поражала. Его живейший интерес, проявляемый к текущим работам, удивлял меня своим постоянством. Когда он заходил ко мне во время опытов, то проявлял много внимания, входя в мельчайшие подробности, высказывал свое мнение, различные предположения и строил целую теорию. Но мысли Ивана Петровича в этот период кроме любимой им науки были заняты также другим важным событием — войной. Он был великим патриотом, в лучшем смысле этого слова, и поэтому каждое поражение или успех русских волновали его до глубины души. Его интерес к вестям с фронта был так велик, что каждый сотрудник старался сообщать ему все сенсационные новости с фронта, полученные частным образом. При этом особенно замечательно было то, что он реагировал на все со свойственной ему страстностью, иногда разражаясь ругательствами по адресу немцев или русских, смотря по обстоятельствам.

Получив определенную тему, я начал работу. Как я уже указал выше, в это время все три лаборатории Ивана Петровича (в Институте экспериментальной медицины, Военно-медицинской академии и Академии наук) работали по условным рефлексам, которыми он так глубоко интересовался. Его ежедневные посещения сотрудников и интерес, проявляемый к каждому в отдельности, были колоссальным стимулом в работе. Он входил во все подробности и радовался каждому удачному опыту; если же опыты не удавались, то на него это действовало угнетающе.

Как я уже заметил, посещения Павловым сотрудников были стимулом к работе, и я бы сказал больше — это были уроки любовного, внимательного отношения к науке, которым был проникнут Иван Петрович, а его сотрудники и ученики заражались его живым энтузиазмом. Каждое его посещение вносило всегда какое-то движение, заставляло больше и глубже думать о работе, а его возможные предположения и теории заставляли интенсивно работать мысль.

Отношение Павлова к сотрудникам и ученикам было таково, что каждый в его лаборатории чувствовал себя как «дома» — лучшей характеристики не придумать. Бывало нередко, что Иван Петрович вспылит на кого-нибудь со всей горячностью своей молодой натуры, но его гнев никогда не был продолжительным. Очень часто после такой вспышки он как бы невзначай заходил к обиженному, узнавал об опыте, о собаке, ничем не напоминая о случившемся.

Интересно отметить, что, несмотря на все же довольно значительное количество сотрудников в трех лабораториях, все ра-

боты, за редким исключением, производились по идеям Павлова, и нужно сказать откровенно, что он не любил, если кто-нибудь из сотрудников высказывал свои собственные идеи, к которым он, как правило, относился скептически. Сотрудники, сами того не замечая, беспрекословно выполняли его волю, и он действительно талантливо направлял их работу и руководил всеми сложными вопросами, возникающими у того или другого из его учеников. Он был гениальным учителем и руководителем. Но благодаря именно его гениальности и тому, что он сам все глубоко продумывал, его сотрудники как бы лишались самостоятельности. Это происходило, конечно, совершенно произвольно, без малейшего давления со стороны Ивана Петровича.

Вначале я не решался высказывать Павлову свои собственные соображения, боясь вызвать с его стороны отрицательное отношение, но впоследствии, изучив хорошо его характер, я мог без риска найти подходящий момент, чтобы заговорить о моих собственных предположениях и догадках и высказать сложившееся у меня собственное мнение, с которым он часто соглашался.

Эта система беспрекословного подчинения сотрудников воле Ивана Петровича, по моему мнению, имела один недостаток — она лишала учеников возможности проявления индивидуальности. Но, с другой стороны, она имела свое преимущество, а именно: благодаря только этой системе Ивану Петровичу удалось привить такую любовь к науке, такой энтузиазм, как будто бы частица его самого входила в его учеников. Он был примером для всех, сам он совершенно уходил в науку; можно с уверенностью сказать, что его жизнью была лаборатория.

Характерно для Павлова было то, что каждый новый факт в исследовании вызывал в нем взрыв энтузиазма, и он, как юноша, страстно увлекался каждым новым открытием. Но затем наступало охлаждение, и тогда он со свойственной ему прямолинейностью начинал критиковать; случалось иногда так, что от вчерашнего увлечения не оставалось камня на камне. Таким был Иван Петрович, которого мы все так хорошо знали.

В 1921 г., когда я с другими голландцами покидал Советскую Россию, Иван Петрович советовал мне не теряя времени заняться научной работой у какого-нибудь известного физиолога за границей. Он по своей инициативе дал мне письма к голландским физиологам проф. Цваардемакеру и Эйнтховену, с которыми был лично знаком. По прибытии в Голландию я не замедлил доставить письма по назначению. Интерес, проявленный со стороны голландских ученых к письмам Ивана Петровича, был колоссальным. Здесь все думали, что Ивана Петровича Павлова

уже нет в живых и даже во многих газетах появились некрологи по поводу предполагаемой его смерти. Меня засыпали вопросами о Павлове. Все интересовались его работами, здоровьем и личной жизнью.

На ближайшем общеголландском физиологическом собрании письма И. П. Павлова были прочитаны в переводе и для большей убедительности подлинники проецировались на экране.

После этого собрания в печати появились опровержения о смерти Ивана Петровича Павлова.

После отъезда из Петрограда я был некоторое время в переписке с Иваном Петровичем, но постепенно с годами связь порвалась, пока я в 1926 г. на конгрессе в Стокгольме не встретился с ним снова. Мы встретились так, что казалось, будто мы и не расставались, такой простой и естественный подход был у него к людям.

Несмотря на громадную популярность Павлова среди делегатов конгресса, которые в буквальном смысле осаждали его, мне посчастливилось несколько раз побеседовать с ним наедине. Иван Петрович много рассказывал о своих работах, о жизни лаборатории, что меня, конечно, глубоко интересовало. Он расспрашивал меня о положении физиологии в Голландии, ее направлении и жизненности. Он тронул меня своим вниманием к моим физиологическим работам и интересовался моими планами, так как в это время я окончательно порвал с медициной и занялся исключительно физиологией.

Во время Стокгольмского конгресса со мной случилась неприятная история: я попал под автомобиль и получил довольно сильные ранения головы. На другой день, когда я встретился с Иваном Петровичем, после того как мне наложили швы на голове, он вместо того чтобы спросить меня, как я себя чувствую, довольно сердитым тоном начал: «Ну, милостивый государь, не ожидал от вас такой выходки; столько времени живете за границей и от русского разгильдяйства еще не отделались». На другой день, не повидавшись с Павловым, я уехал в Амстердам.

Через шесть лет, в 1932 г., я поехал на Физиологический конгресс в Рим. Первая встреча делегатов происходила в Остии — в окрестностях Рима. Из списка членов конгресса я узнал, что Иван Петрович будет в Риме, и с нетерпением ожидал встречи с ним. Несмотря на то что со времени Стокгольмского конгресса прошло шесть лет, Иван Петрович моментально меня узнал, и мы во время осмотра раскопок Остии оживленно беседовали на различные темы. Затем все разместились на развалинах старого амфитеатра, чтобы выслушать приветственную речь одного из

организаторов конгресса. Мы думали для удобства Ивана Петровича предложить ему сесть в первых рядах амфитеатра, но он запротестовал и высказал желание пойти на самый верх, чтобы иметь возможность как можно лучше видеть развалины старого города. Продолжительная прогулка, видимо, очень утомила его, и на вопрос Всеволода Ивановича, не устал ли он и не хочет ли отдохнуть, Иван Петрович с раздражением ответил: «Ах, что ты там отдохнуть, да отдохнуть, я совсем не устал, а вот жара здесь невыносимая и пить не дают».

Когда мы наконец взобрались на верх амфитеатра, Павлов выронил из рук шляпу, которую моя жена хотела поднять, но он с такой быстротой и легкостью подхватил свою шляпу, что все мы были положительно поражены. Интересно отметить, что его как будто раздражало желание помочь ему как старому человеку, ведь мы все хорошо знаем, что Иван Петрович не хотел стариться, не хотел поддаваться старческой слабости и все его существо было проникнуто протестом против естественного отживания организма. Он считал глубокой несправедливостью природы, которая каждую весну одевает деревья новой листвой, совершенно не заботясь о возобновлении сил человеческих. Вечер, проведенный в Остии, на развалинах старого амфитеатра, надолго останется в памяти тех, кто был свидетелем того, каким живым и занимательным собеседником мог быть Иван Петрович в обществе.

Во время конгресса я каждый день встречался с Павловым. Несмотря на жаркую римскую погоду, он держался очень бодро. В день его доклада мы не виделись, так как он не покидал гостиницы, и все мы с волнением ждали его выступления. Почти полуторачасовой доклад с прениями очень его утомил, и, когда по окончании я подошел к нему, чтобы поздравить с успехом, он выглядел очень усталым и взволнованным. Сейчас же его окружили итальянцы, засыпая вопросами, но он попросил передать им, что в данную минуту не может удовлетворить их ответом и просит его извинить.

Вечером того же дня Иван Петрович назначил мне свидание в гостинице, куда я и отправился к назначенному часу. К моему великому удивлению, Иван Петрович с Всеволодом Ивановичем уже ждали меня в вестибюле гостиницы, где мы, выбрав уютный уголок, расположились побеседовать. Иван Петрович очень интересовался моей работой в Амстердаме, расспрашивал обо всем и обо всех, кого он знал в Голландии, и в конце концов подарил мне свою книгу, собственноручно сделав на ней надпись. Так мы расстались с ним, чтобы потом уже встретиться в Ленин-

граде на XV Международном конгрессе физиологов. Эта последняя встреча навсегда останется у меня в памяти. Прибыв в Этнографический музей, где, как известно, была первая встреча делегатов, я сейчас же столкнулся в общем зале с Иваном Петровичем. Его первые слова были: «Вы уж, наверное, думали, что я умер, а вот еще живу и к тому же чувствую себя великолепно, несмотря на то что перенес столько всяческих болезней». После этой встречи во все время конгресса мне не удалось ни разу поговорить с ним наедине, так как он, будучи хозяином конгресса, все время был окружен толпой почитателей.

<1936>

